

Весенняя кантата

**Ирина
ГОНЧАРОВА**

г. Москва

«СЕВЕР» N 5-6 2020

рассказ

Олег пошёл на кухню: мать попросила чаю. Электрических чайников она не признавала, поэтому кипятили на плите — в эмалированном с голубыми цветочками на фиолетовом фоне.

— Горячий, — недовольно сказала она, дотронувшись до кружки.

«Конечно, горячий, — чуть не воскликнул Олег, — ведь только что закипел!» Так было всегда: выполнить надо было срочно, сию минуту, и тут же она оказывалась недовольна.

Слегла мать почти полгода назад. Болезнь приковала её к постели, а она — к себе сына, впрочем, это случилось с самого его рождения, в том заключалась их общая трагедия.

Отец Олега умер, когда сыну было двенадцать лет. Он казался безликим, безвольным. Обросший, с потерянным взглядом, отец походил на лешего: ростом выше жены, но сгорбленный чуть ли не вполовину, словно надломленный ствол дерева. Как состоялась их встреча и оформился брачный союз, Олегу не рассказывали. Для него оставалось загадкой, что могло связывать столь разных людей. Но мать, похоже, этим не озадачивалась. Она держала в железной узде и мужа, и сына, и каждого, кто перешагивал порог их дома, хотя со временем таких почти не стало. С родственниками они не общались, гости априори не были желанны.

Олег рос добродушным, улыбчивым. «В отца — простачка-дурачка», — говорила мать о сыне. Он был безотказным помощником для всех в округе, бывало, из дальних районов городка приходили к нему за помощью. Мать эти визиты пыталась пресечь, и Олегу приходилось всякий раз придумывать срочные дела: сначала — в школе, потом — на работе.

Трудовик Николай Иванович на своих уроках увлёк Олега работой с деревом. Школьная мастерская стала для него родным домом. В старших классах он заинтересовался физикой, тайком от матери посещал кружок электролю-

бителей. Чтобы она отпустила, дома приходилось врать, изворачиваться, а потом со всех ног — в кружок. Наверно, хлебнув хорошенько угарного газа, так бегут на улицу: пить свежий воздух литрами, бочками. Пить, пить, пить, наполняя живительным кислородом не только лёгкие, но и каждую клетку тела.

Как-то при матери учитель физики восхищался Олегом:

— Да он у вас гений! Это такая голова! Ему обязательно надо быть учёным!

— Вы просто его захвалили, — мать спустила на землю физика. — Самый обычный пострелёнок.

Никаких выдающихся способностей у сына она не видела, потому вуз с пятилетним обучением не одобрила. Зачем так долго учиться? Рассудила, что хватит ему колледжа — и недолго, и профессия будет. Так не состоялась карьера учёного, после колледжа Олег стал электриком. Нити, связывающие мать с сыном, были крепки настолько, что все судьбоносные решения за сына принимала она.

Любил ли Олег мать? Сложный вопрос. К тридцати годам он понял, что скорее боится её. Олег был для матери «карманным» сынком: можно доставать по необходимости и надёжно припрятывать, застегнув на «молнию», чтобы не потерять.

Друзей-ровесников у Олега не было. Дружба предполагает внимание к другому человеку, а всё его без остатка требовала мать. Зато у Олега был целый город знакомых и приятелей. Они его ценили за простодушность, отзывчивость. Может, даже и пришли бы ему на помощь, только чем помочь в ситуации с матерью? Как умягчить скалу?

Время шло, сверстники создавали семьи, и Олег начал понимать: что-то в жизни он сделал не так. Словно корнями прирос к матери и вырваться не может. Какая-то ненормальная зависимость овладела им. Олег однажды представил, что будет, если он объявит о женитьбе. Мать обидится, конечно, скажет: «А как же я?» Что ей ответить в таком случае, Олег не знал. Выходит, не продолжить ему род? Стать в нём жирной точкой? Невозможно было смириться с этой мыслью.

* * *

Прошлой осенью Олег познакомился с Александрой. Она казалась ему воздушным существом: пушистые светлые волосы, почти прозрачная кожа и светящееся лицо с детской улыбкой. Сашины родители разошлись до её рождения, она видела отца лишь однажды — и то случайно, в автобусе. А потом, проезжая тем же маршрутом, всякий раз всматривалась в лица пассажиров — боялась, что он будет сидеть рядом, а она его не узнает.

Мать Саши пыталась построить своё счастье, оттого на дочку времени почти не оставалось. «Может быть, скоро у тебя появится папа», — говорила дочери, в очередной раз выпроваживая её к подруге, чтобы самой принять дома очередного претендента. Да верила ли мать своим словам? А Саша так и выросла с пустотой в душе, остро ощущая, как нужны ей настоящая крепкая семья и поддержка родных.

Повзрослели и Саша, и Олег, а мечтали, как оказалось, об одном: он — под гнётом материнского контроля, а она — в свободном жизненном плаванье.

Сашу приняли старшим специалистом в отдел кадров на предприятие, где работал Олег. Сотрудников много, около трёхсот. Может, так и не свела б судьба, если бы в Сашином кабинете не перегорели лампы дневного света. Банальная история. Электрика на предприятии два. Вдвоём они и пришли в отдел кадров, но Юрика вскоре перебрали на другое задание, Олег остался один. Саша ему сразу понравилась, ещё бы — внешность почти ангельская. Но заговорить с ней не решался, молча менял лампы. А самому так хотелось поменять что-то и в своей жизни.

Саша старалась не мешать и пристроилась у окошка с документами. Мысли перескакивали с одной на другую. Конечно, Олег не мог не привлечь женское внимание: высокий рост, приятное лицо.

— Знаете, — осмелев, первой попыталась завязать разговор Саша, — если бы я встретила вас на улице, никогда бы не приняла за электрика.

— А за кого? — чуть растерянно спросил Олег.

— Ну, подумала бы, что вы актёр, а я просто вас не узнала. И долго бы потом вспоминала, в какой роли могла вас видеть.

Он улыбнулся — как-то по-детски обезоруживающе, как улыбаются люди неиспорченные, чистые душой. И Саша не удержалась — ответила ему тем же.

— Тут ваша предшественница так лютовала, а вас хвалят, теперь появился в отделе кадров начальник с человеческим лицом, — отвесил девушке похвалу Олег, и оба рассмеялись обмену любезностями.

— Раз уж вы похожи на актёра... не сходить ли нам в театр? — шутивно-церемонным тоном предложила Саша.

И вдруг, к её удивлению, Олег сразу согласился:

— Давайте! А на какой спектакль?

С Сашей было так легко, будто это давняя знакомая, он и забыл, что придётся врать матери, чтобы отлучиться вечером из дома.

— У нас, конечно, не МХАТ и не «Ленком», — со знанием дела рассуждала девушка, будто продолжая начатую игру, — но мне наши актёры нравятся. Знаете, недавно была на «Шинели», очень впечатлило. Так проникновенно передана трагедия маленького человека... я просто недели две не могла забыть. А вот завтра должна быть «Женитьба». Мне нравится Гоголь-драматург, а вам?

— Нравится, — кивнул Олег. — Я любил литературу в школе... и театр, — немного приврал.

В последний раз в театре он был ещё десятиклассником — учительница водила весь класс на Островского. А больше «культурно просвещаться» ему некогда — у него ведь мама...

— Тогда завтра вечером встретимся прямо у драмтеатра! Начало — в семь! — радостно заключила Саша.

— Хорошо, — теперь уже сдержав волнение, по-мужски серьёзно согласился Олег.

«Скажу, что на работе ЧП», — придумал он для матери. Знал, что она постоянно смотрит на часы и знает, когда сын должен вернуться, сколько времени тратит на дорогу. Вот только надо придумать подробности этого ЧП, иначе не поверит. Олег решил, что лучше соврать завтра — позвонить с работы, чтоб не лицом к лицу.

Саша и Олег подошли к театру почти одновременно.

— Олежек! — махнула рукой девушка и сама

испугалась. Но ласковое обращение вырвалось из сердца — слово не вернуть.

— Здравствуй, Сашенька! — его руки потянулись к ней, но спохватился на полпути.

Нет, так не годится. Слишком быстро... Но что же поделать, если две одинокие души наконец-то встретились? Саша взяла его под руку — в конце концов, кавалеров положено брать под руку, даже если и знакомы сутки.

Возле кассы Олега окликнули.

— Олег Ефимыч! Дорогой! — тот не успел опомниться, а какой-то очень высокий крупный мужчина уже сжимал его в объятиях. — Олег Ефимыч, вы — в театр?! — пробасил незнакомец. — Не стойте вы в эту кассу! Для хороших людей всегда найдутся билетки. Вот, — он вынул из-за пазухи два билета. — Не партер, но всё видно будет.

Всучив несколько огорошенному Олегу билеты, мужчина обратился к Саше:

— Да для этого замечательного человека хоть каждый день могу билеты доставать. Я здесь работаю. А у него... — великан вновь стиснул в объятиях Олега. — У него же золотые руки. Это не просто красивые слова. Поглядите только, руки из золота.

— Кто это? — спросила удивлённая Саша, когда незнакомец отошёл от них так же стремительно, как и появился.

— Я точно не помню, — Олег пожал плечами. — Видимо, когда-то что-то ему ремонтировал.

Их места оказались в ложе справа. По соседству никого не было. Олегу от этого стало ещё приятней, будто спектакль лишь для них.

Постановка великолепная, актёры выложились по полной. Ещё живая музыка, танцы, да и пьесу можно было разобрать на афоризмы. «Даже не думал, что провинциальные актёры настолько хороши!» — подумал Олег, но смолчал: не хотел обидеть Сашу: она-то, наверное, завсегда, если любимые актёры есть — всех по именам знает.

«После свидания девушку полагается проводить», — подумал Олег, когда они выходили из театра. На часах было начало одиннадцатого. «Мать», — мелькнула мысль, но и Сашу бросить под ночь нельзя, надо проводить, даже если мать устроит ему скандал.

Шли по тихой улочке. Ни автобусов, ни прохожих — обычный провинциальный вечер. Но

какой! Волшебный! Невероятный вечер! В воздухе, чистом и свежем, ему чудилась какая-то новизна — свобода, что ли, которой у него никогда не было.

По дороге Саша вспоминала сцены из спектакля, искромётные фразы. В общем-то, первая встреча, наверное, и должна быть такой — светлой и праздничной, без тёмных откровений из закоулков большой души.

— Я здесь живу... то есть временно... у подружки, — запнувшись, сказала Саша, когда они пришли к дому.

— А где ты живёшь постоянно? — уловив смущение девушки, спросил Олег.

— С мамой на другом конце города. Мы немного не поладили, вот... решили пока отдельно пожить.

«Я бы тоже пожил отдельно», — промелькнула мысль у Олега. Он-то понимал, что мать костыми ляжет, но не отпустит.

— Спасибо, Саша, за замечательный вечер! У меня такого никогда не было, — простодушно сказал Олег.

— Не было, значит, можно повторить, пока не успело надоест, — весело ответила Саша.

— С тобой не надоест, — слова сами слетели с языка. Олегу показалось, что их произнёс не он, а кто-то другой, — настолько непривычными они были для него.

В тот вечер в его сердце зародилось не изведанное ранее чувство, и оно, как росток, цеплялось неокрепшими корешками за все сердечные сосудики, готовясь набрать силу. Тот прежний Олег и слов-то таких не сказал бы. Не то чтобы он их не знал: всё-таки читал книги, смотрел телевизор с мамой за компанию. Просто раньше сказать их было некому.

А Саша не знала, как прощаться в таких случаях. И Олег тоже. А вроде бы друг другу они теперь не только сослуживцы...

— Увидимся завтра, — наконец тихо проговорила Саша. В её голосе звучала надежда.

— Обязательно, — без тени сомнения ответил Олег.

— А я каждое утро вижу, как ты проходишь мимо моего кабинета... Я всегда прихожу раньше всех, — призналась Саша.

— Значит, я тоже приду завтра пораньше, — пообещал Олег.

— До завтра, — тихо сказала Саша.

— До завтра, — ответил Олег.

Они так и стояли друг против друга, не расходясь. Девушка вновь решила сделать решительный шаг.

— До завтра! — повторила она и направилась к подъезду. На пороге обернулась: Олег не уходил. Они почти одновременно махнули рукой друг другу, и Саша скрылась за железной дверью.

Лишь на пороге своей квартиры Олег спохватился: мать потребует объяснений. Надо врать убедительно.

Она всегда была начеку: опасалась, что чувства, которых сама никогда не испытывала, однажды захватят сына и тогда ничто не удержит его возле неё. Окрутит ещё какая-нибудь.. Сноха ей не нужна: ни богатая, ни бедная, ни дочь президента, ни сестра арабского шейха, ни на лимузине, ни на велосипеде, ни страшная, ни красавица. Ни с кем не желала делить сыновнюю любовь.

Олег вошёл в квартиру. Мать сидела на стуле в коридоре, ей предстояло сыграть переволнованную несчастную пожилую женщину.

И началось...

— И где же ты, единоутробный мой, был? Я же глаза выплакала, испереживалась. Посмотри, сколько таблеток валидола выпила. Хоть бы дал номер своего начальника — ну куда это: держать электрика до часу ночи? — причитала мать, закатывая глаза и хватаясь за сердце.

— Мама, не волнуйся, — Олег говорил спокойно, старался не выдать радость предыдущих часов. — Во-первых, случилась авария, полрайона было обесточено. Во-вторых, закончили мы поздно, транспорт уже не ходил. Я пошёл пешком, поэтому и так поздно. А завтра надо прийти пораньше, может быть, отгул дадут.

Олега понесло. Нет, это был какой-то другой Олег. Тот, прежний, тоже вынужден был врать, изворачиваться, но делал это не настолько умело.

Скандал миновал — мать поверила.

Рано утром Саша и Олег встретились у проходной предприятия.

— Чего так рано? — зевнув, сонный охранник обратился к Олегу.

— А Олег Ефимыч нам ещё розетки недоделал, — вместо него бойко ответила Саша. — Работать невозможно без техники, розетки нужны рабочие.

Они прошли в её кабинет.

— Как ты вчера добрался? — спросила девушка, расстегивая пальто.

— Прекрасно! Знаешь, я никогда не видел ночного города... — признался Олег.

Саша загадочно улыбнулась:

— Похоже, вчера многое в твоей жизни было в первый раз. — Щёлкнула кнопкой на электрическом чайнике.

— Да, — откровенно отвечал Олег. — Казалось бы, ничего особенного. Кому-то это привычно, а у меня действительно было в первый раз: огни ночного города, прогулка так поздно...

— Осенью хорошо гулять. Я люблю осень! Она вовсе не унылая пора. В ней столько красок — просто бери мольберт и рисуй! — За разговорами чайник вскипел, и Саша уже разливала чай. — Ты, наверное, не успел позавтракать дома? — вопрос её звучал скорее как утверждение.

Какой тут завтрак! Олег так ждал утра, что от волнения не смог уснуть, но сна и теперь не было ни в одном глазу.

— Давай сходим в парк после работы или в выходной. Полюбujemy осенью, — предложила Саша.

Олег согласился. Вот только когда? В выходной? Тогда придётся для матери выдумать новое ЧП. Нет, лучше после работы, можно будет сказать, что автобус стоял в пробке... ну или сломался.

Они шли по осеннему парку. Возле моста, перекинутого через небольшой водоём, их встретили каменные львы с разинутыми пастьями. А Олегу казалось, что они приветливо улыбаются им.

— Ой, раскачаешь меня?! — воскликнула Саша, заметив недавно появившиеся здесь качели с металлическим зонтиком вместо навеса.

— Садись, подтолкну, — кивнул Олег.

Саша взмывала к небу с блаженной улыбкой. И Олег улыбался от того, что девушка светится неподдельной детской радостью.

— Я, конечно, не ребёнок, но ведь это так здорово! — крикнула она, легко соскочив с сиденья, когда качели почти остановились.

Потом Саша и Олег гуляли по парку, ели

сладкую вату. Давно, ещё в детстве, отец пару раз покупал её сыну втайне от матери: она бы не одобрила такое лакомство. А Олег запомнил тот вкус. Это был вкус детства, — чужого детства, в котором была любовь и добрые отношения между родными. У него не было такого детства — только его вкус, случайно попавший на язык.

— А у меня скоро день рождения, — обронил Олег — так дети болтают обо всём подряд, не боясь ляпнуть что-то невпопад.

— Знаю, в конце октября! Я же заведую личными делами, — подхватила довольная Саша, вата на палочке в её руках почти кончилась.

— Давай отпразднуем его вместе, — предложил Олег. — Вспомним детство, покатаемся на качелях...

— Вместо торта будет сладкая вата! — пошутила Саша.

— А торт можно после ваты! — подыграл Олег и засмеялся.

— Пусть будет вата, — совсем разошлась раскрасневшаяся от смеха Саша, — можно ещё сахарных петушков на палочке.

— Что, опять ЧП? — с порога спросила Олега мать.

— Нет, мам, автобус в пробке простоял. Да я уж пожалел, что ждал, надо было пешком идти, — вновь понесло его.

Пока Олег ужинал, всё утро у него распирало от счастья. С кем же поделиться? Хоть кому-то рассказать о своей радости! Вспомнил, что давно не виделся с Николаем Ивановичем, школьным учителем.

— Мам, можно я навещу Николая Ивановича в субботу? — заглянув в комнату матери, как ребёнок, спросил разрешения Олег.

— Позвони сначала, узнай, сможет ли прийти. Он старше меня. Вдруг болен, — привычно наставляла мать.

На другой день Олег набрал номер Николая Ивановича. Нестареющий голос бодро ответил:

— Всегда рад! Приходи!

Заводить друзей-сверстников мать Олегу не давала — вечно находила повод вклиниться и отвадить ребят. А вот против взрослых аргументов у неё не находилось. В конце концов, если отец был малахольный, пусть сын хоть с кем-то

из педагогов общается. Так ещё со школьных времён трудовик стал для Олега не только учителем, но и старшим другом. Виделись теперь, понятное дело, редко, но связь не теряли.

Николай Иванович семьи не нажил. Его квартира — сплошь мастерская с деревяшками, стружками. Был там даже станок, который он когда-то сделал сам.

— Олежек, ты ж мне как сын, — говорил трудовик за чаем. — Можешь не звонить, сразу приезжай! Какие ещё церемонии! Для тебя дверь всегда открыта. Как ты, дружище? — заглядывая в глаза Олегу, спросил учитель.

— Николай Иванович, если бы вы знали, как я счастлив! Я встретил девушку...

— Вот и хорошо! — неподдельно радовался Николай Иванович. — А я смотрю, похорошел! Ну что ж, мать-то, наверно, не очень рада?

О характере матери в школе знали многие — показывала норы и на родительских собраниях, и на школьных мероприятиях. Встретив на улице согбенного отца Олега и осанистую, идущую твёрдой поступью мать, сразу можно было сделать вывод, что у них за семья.

— Я маме ничего не говорил... Даже не знаю... — замялся Олег.

— Ну нет, это не по-мужски, — ободряюще говорил Николай Иванович. — Надо будет сказать.

— Я боюсь, что ли... — Олег как будто сник.

— Так-так-так... — постучал пальцами по столу Николай Иванович. — А куковать, как я, среди стружек — ничего? У меня, между прочим, тоже была мать с сильным характером. Царствие ей небесное. Живу вот со стружками, а мог бы с любимой женщиной!

От радости у Олега не осталось и следа, бухнул обречённо:

— Мать жизни не даст.

— Ну ты же мужчина! — мягко, по-отечески убеждал Николай Иванович. — Твоё дело — построить крепость: семью. Если нашёл, с кем строить, плюнь на всех! Не невесте же, в конце концов, воровать тебя из родительского дома. Собрал вещи — и вперёд!

— А мама? А долг сыновний? — в голосе Олега слышалось отчаяние.

Николай Иванович улыбнулся:

— Переживёт. Ты сначала из дома-то съезжай, а потом поставь мать перед фактом.

Николай Иванович плеснул Олегу в кружку ещё чаю.

— Пей давай. И сам посуди: что с ней делается? Ну поругается, потом успокоится. Знаешь, как я жалею, что когда-то сам не ушёл! До сих пор себя корю.

Олег отхлебнул чаю, в голове стало проясняться.

— Я вот думаю, как поступить, чтобы полегче она перенесла... Мать валидол пьёт...

— Ой, мальчик, как ты мне своей наивностью нравишься! — усмехнулся Николай Иванович. — Ты, похоже, последний у нас на планете такой экземпляр. Рождение всегда болезненно. Рождение ребёнка, нового чувства, семьи... Всегда будет боль, пусть и не такая великая, как тебе думается. Вот в тебе чувство зародилось, а как его обнародовать — проблема, боль твоя, так ведь? — Олег кивнул. — Бояться не стоит. Есть хорошая анестезия — взаимное чувство. У тебя ведь так?

— Так! — просияв, признался Олег.

— Ну вот, — кивнул Николай Иванович. — Это и утешает, то есть «обезболивает». А ещё другая «анестезия»... Ты же мечтаешь о том, как будешь с женой жить? Вот тоже вроде как успокаивает и заставляет двигаться дальше...

День рождения Олега выпал на будний день, а он и не расстроился. Они с Сашей взяли отгул. И весь день были детьми! В парке малоллюдно, и он принадлежал им двоим: только для них качели, вата, петушки и осеннее солнце, дарившее последнее в году тепло.

Олег слушал звонкий Сашин смех и сам заливался в ответ. Но помнил и о важном... Только вот как сказать? С чего начать? У него совсем нет опыта в таких делах. Он так готовился, настраивал себя, искал слова...

Обратно шли, держась за руки, болтали обо всём. Вот уже нужный дом, подъезд. Надо прощаться. Больше тянуть некуда — сглотнув от волнения, бухнул как есть:

— Саша, будь моей женой. — И вдруг Олег почувствовал на сердце небывалую лёгкость — ещё немного и взлетит. Он сделал то, что должен! Смог! — Саша, — повторил, в голосе уже не было напряжённости, — будь моей женой. Ты много для меня значишь. И я не знаю, жил ли до встречи с тобой. Завтра полтора месяца с

того дня, как мы познакомились... Даже уже сегодня, — поправился Олег, взглянув на часы: было за полночь. — Со мной такое впервые... Я люблю тебя, Саша.

Растроганная, она замерла, казалось, ещё немного и расплчется, но сдержалась.

— Я так ждала, когда ты это скажешь! — начала Саша. — Боялась сказать первой. Это ведь, наверно, неправильно, когда девушка... первой... Я так ждала каждой встречи... Я буду твоей женой! Самой заботливой!.. У нас будет крепкая семья, вот увидишь!

Только Олег своим ключом открыл дверь квартиры, как мать накинулась на него с ремнём. Она хлестала так, будто ему было не тридцать лет, а три года.

— Подлец, я звонила на работу! У тебя отгул. Где ты шлялся, подонок?

Олег заскочил в туалет и закрылся на щеколду.

— Открой, иначе дверь выломаю! — грозила мать.

Олегу хотелось рыдать и петь от счастья одновременно. За что она так? Волчицы, кажется, и те добрее.

Подперев спиной дверь, Олег устало опустился на пол. «Кто я? Лжец, привыкший изворачиваться, чтобы втихаря урвать хоть несколько часов радости, — корил он себя. — Неужели она не понимает, что я вырос, что у меня должна быть своя жизнь?» Он почувствовал, что по его лицу покатались слёзы. Его счастье с привкусом горечи — почему?..

Саша сама попросила Олега познакомить её с будущей свекровью. Дело-то неизбежное... Тот набрался смелости и привёл девушку к себе домой.

Чего стоили ледяной взгляд и крепко сжатые губы на каменном лице матери! Саша робко смотрела на неё, вспомнилось цветаевское: продолговатый и твёрдый овал, надменные губы. Локонов, как в стихотворении, конечно, не было — всего лишь пучок из жиденьких волос.

— Женой, значит, будешь, — недобро сказала мать, изучая глазами Сашу. — А мне, матери, — подвинуться?

Разговора не получилось, после такого приёма госте пришлось уйти. Олег пошёл прово-

дить. В тот день было холодно, дождливо, порывистый ветер норовил разорвать в клочья каждого, кто попадётся на его пути.

— Ты будешь вечной её тенью, — сказала Саша, когда прощались.

— Я не хочу, — Олег крепко держал её за руку. — И так был тенью с самого рождения. Я хочу любить и быть счастливым.

Он прижимал её ладони к своей груди. Беспощадный дождь хлестал обоих.

Саша искала уверенность в его глазах:

— В конце концов, первая женщина, которую ты полюбил, была твоя мать... — фраза стала испытанием для Олега.

— Я не люблю её, а боюсь... Я жду, когда она меня отпустит, — с болью признался он.

После знакомства с Сашей мать слегла. Не то чтобы сразу заболела, скорее, поняла: сына могут увести, надо было принять все меры, чтобы этого не случилось. Мать не вставала, и Олегу приходилось ухаживать. На работе Саша как будто сторонилась его, увидеться наедине не получалось, к тому же он чувствовал перед ней вину за мать.

— ...Ты меня любишь, мама? — однажды спросил Олег, помогая той переодеться.

— Что ещё за любовь! — недовольно ворчала она. — Слушаться надо старших, а мать — в первую очередь.

Олег вышел из комнаты и, закусив губу, беззвучно заплакал от бессилия. Перед глазами у него стояло вымученное лицо отца.

* * *

Март разгонял зимний сон лихо и озорно. Ветра подули тёплые, солнце трудилось в режиме июня. Капель — мартовская капель! — барабанила, словно будила всех: «Эй, просыпайтесь! Выходите на улицу! Наслаждайтесь солнцем! Холода больше нет!»

— Надо же, весна какая ранняя! — удивлялись прохожие и распахивали пальто.

В то утро солнце ворвалось в окно и наполнило светом комнату. Олег проснулся с улыбкой на губах. «Странно, почему я улыбался во сне?» — подумал он.

Пошёл в ванную. Из зеркала на него смотрело осунувшееся лицо, с которого ещё не сошла улыбка ночного миража. Удивительно, как постарел он за полгода, даже улыбка кажется чем-то инородным.

Иногда Олег представлял, как все могли быть счастливы: он, Саша, мама. И теперь снова ему вдруг почудился детский смех, топоток маленьких ножек, привиделась нянькающаяся с внуком мать... Наверно, это уже помешательство.

А ещё та мартовская дробь с крыш... Как-то Саша сказала, что ей немного грустно и тревожно, когда так стремительно тает снег и сумасшедшая капля стучит по нервам, но, если слушать «Весеннюю кантату» Свиридова, сердце успокаивается...

— Сынок! — донеслось из комнаты.

Стоп! Сознание вернуло Олега в реальность, за стенкой лежала мать. Вместе со снегом таяла и она — здоровье подкосилось.

— Сынок, — снова позвала. — Ты прости меня, — невнятно выговорила.

Олег вошёл к ней в комнату.

— Ты меня прости, мама. — Присел на край постели.

Мать тяжело дышала. Осенью она слегла, на улицу выходить перестала. Возраст солидный, потому быстро начала славать. Теперь к ним заходил и врач. Притворяться было не надо — назначенный доктором валидол всегда лежал в верхнем ящике прикроватной тумбочки.

— Та девушка... Ты говорил, она ведь хорошая... Женись на ней. Плохо одному...

Лицо матери посветлело. Откуда в ней это? Что вдруг случилось? Ощущение близости жизненного конца и мудрость, пришедшая с пониманием этой неизбежности?

— Женись, сынок, — повторила она и отвернулась к стене.

Олег смахнул набежавшие слёзы, чтобы мать не видела. С Сашей они так и не поговорили. Да и как с ней объясниться? Без неё Олег просуществовал с конца осени до весны. Как к ней подойти, что сказать, поймёт ли, примет?

А потом был день... Солнечное апрельское утро. В дверь позвонили. Олег пошёл открывать. На пороге стояла Саша.

Алиса и вечность

рассказ

Мне было тогда семнадцать лет. Мы с родителями жили в режиме перелётных птиц, то и дело приземлялись в каком-нибудь городе на съёмное гнездо. В то время мы осели в мегаполисе.

Я тогда училась в одиннадцатом классе и ужасно тяготилась жизнью. Каждый день казался серым пятном, которое не раскрасят даже огни столицы. Жить мне было неинтересно. Я мало с кем общалась, да и не хотелось. О чём говорить... с этими... со сверстниками. Я не могла найти себя. От тусовок уставала. Громкую музыку не переносила. От гаджетов начинала болеть голова. Интеллектуальная среда, в которой водились ботаны-отличники, будущие студенты престижных вузов, казалась мне мутным болотом, а при слове «наука» появлялась горечь во рту и начинало подташнивать. В общении, моя жизнь тянулась, как жвачка, прилипшая к подошве, — и не отодрать до конца, и подошва липнет то и дело к асфальту.

Пообвыкнув в новом жилище на седьмом этаже, я стала замечать, что над моей комнатой живёт сосед, который играет на пианино. Вообще, я любила, когда играют на пианино, сама хотела в детстве пойти в музыкальную школу, но родители никак не могли осесть ни в одном городе нашей огромной страны, поэтому пианино было ставить некуда, и, следовательно, учёба в музыкалке мне не светила.

А там, наверху, почти каждый день кто-то играл небольшие пьески, правда, совсем недолго. Каждый раз это было одинаково: внезапно начинала звучать мелодия. Длилась игра минут пятнадцать. Потом медленно, тяжело

отодвигался стул — и всё. Мне казалось, что юная пианистка — да, почему-то казалось, что это именно девочка — не особо любит занятия в музыкальной школе и всю эту музыку, иначе играла бы дольше, и даже что-то помимо заданного. Я ей немного завидовала. Сказать по правде, я завидовала всем, у кого было пианино. Почему-то только звуки этого инструмента могли поднять мне настроение.

Однажды я ехала в лифте с девочкой лет двенадцати. В руках у неё была нотная папка. Я решила, что она и есть юная пианистка, и не ошиблась.

Потом мы познакомились. Это вышло как-то случайно. Она вновь ехала с восьмого этажа со своей папкой, а я вошла в лифт на седьмом. Я ей кивнула — всё же полгода в одном подъезде, вроде как знакомы.

— Меня Алиса зовут, — с улыбкой сказала она.

— Меня — Юля, — ответила я с некоторым удивлением: тогда это имя «Алиса» встречалось редко, ну разве что в сказках...

— Я вот в музыкалку хожу, — пояснила она.

— Некоторым кажется, что это здорово — играть на пианино. Здорово, конечно, но надоедает. Вы живёте под нами? — Я кивнула. — Мы не очень громко себя ведём? Я играю, и гости бывают...

— Нет, всё в норме, — ответила я.

Мы стали дружить. С ней было ужасно интересно болтать обо всём. Хотя это казалось странным: мне — семнадцать, ей — двенадцать. Впрочем, когда она говорила, то казалась гораздо старше меня. В ней была какая-то взрослая мудрость.

Осенью, кажется, в октябре, она призналась:

— Я тебе сейчас кое-что расскажу, только ты не бойся, это не заразно. У меня рак. Болезнь такая...

— Знаю, что болезнь! Ты что, шутишь? — сразу не поверила я.

— Нет. Анализы показали. Это называется по-правильному «детский лейкоз». Скоро я начну лысеть и в школу ходить не буду — нельзя, чтобы на меня дышали, — пояснила Алиса.

Её родителям кто-то посоветовал окрестить дочь. Новость о том, что Алиса попадёт в храм, привела её в восторг.

— Знаешь, — говорила она мне, — я видела мно-

го храмов по телевизору. Большие и все в золоте похожи на величественных царей и цариц, которые пришли на праздник в своих лучших нарядах. А маленькие, провинциальные, напоминают старичков и старушек дряхленьких. Мне их почему-то жаль. Но нравятся мне и те, и другие!

Крестили её Анной — в честь Анны-пророчицы. Когда родители спросили, сколько заплатить за крещение, священник, посмотрев на Алису, ответил: «Ничего не надо». Потом, после таинства, батюшка долго гулял с ней по саду возле храма. Оказалось, что его дочка тоже болела лейкозом. Её не спасли, но отец не унывал. Священник рассказывал Алисе о царствии небесном, о том, как там красиво, тепло и нет ни ночи, ни холода.

— А вы там были? — спросила Алиса.

— Я бываю там каждый раз, когда служу литургию, — ответил он. — Приходи на службу. Завтра обязательно. Нужно причаститься после крещения. Хорошо? Ничего не ешь с утра.

Алиса пришла, хотя родители не поняли, зачем она так настойчиво снова просилась в храм.

А после службы она пришла ко мне.

— Знаешь, он не обманул, — Алиса светилась необыкновенно и выглядела какой-то неземной. — Я была в царствии небесном. Там правда тепло и красиво.

Что-то открылось ей тогда свыше, подумала я, не зря ведь она так светилась.

Но больше в храм она не ходила: анализы ухудшились, и родители перестали видеть смысл в том, чтобы водить её в церковь.

Помню, ехала я в лифте с какими-то тётеньками-соседками, они обсуждали последние новости: вот, мол, Новиковы и дочь покрестили, а всё равно ей всё хуже и хуже — чуда, мол, не произошло. «Как же не произошло чуда?! — хотелось мне вскричать. — Да ведь она светила! Она была в царствии небесном! Ты, тётя, была там? Вот и не говори, раз не была. А она была». Но я промолчала...

Её родителям посоветовали обратиться в службу помощи онкобольным: собрать деньги на операцию. Не успели.

— Я знаю, что умру. Знаешь, грустно оставлять папу и маму, — сказала мне Алиса незадолго до того. — Ещё я сожалею о том, что не училась усердно играть на фортепиано. Мне сейчас очень

хочется играть, хотя бы просто гаммы, хочется слышать звуки. Мне часто снится, что я как будто недоиграла любимую музыкальную пьесу... Но я понимаю, что ничего не изменить. Пусть будет так. Значит, так лучше.

Мне было немножко страшно её слушать. Страшно от того, что она совершенно спокойно, по-взрослому, рассуждала. Да, она очень повзрослела во время болезни. Или после крещения?..

Мне сейчас тридцать. Уже тринадцать лет я периодически вспоминаю об Алисе, а именно сегодня — всё от начала до конца. Почему? Наверное, потому, что я впервые ходила в хоспис, в детское отделение. Шла как доброволец. Совсем недавно увидела в интернете ролик о детях с лейкозом, решила позвонить. Мне далеко добираться до хосписа: сначала сорок минут на автобусе, потом минут пятнадцать пешком... Я не знаю, что меня там ждёт, но знаю, что у меня получится. Вся моя жизнь была какой-то пустой. А сейчас мне казалось, что я способна сделать наконец-то что-то важное в своей маленькой никчёмной жизни. Я шла туда, откуда дети уходят в вечность. Туда, куда ушла Алиса.

В хоспис я стала ходить регулярно, это как будто дало мне опору в жизни. Там и познакомилась с одним волонтером. Его звали Алек-

сей. Удивительно, он тоже пришёл в хоспис, чтобы раскрасить свою никчёмную, по его мнению, жизнь. А ещё он был воспитателем в детском доме, занимался с детьми с синдромом Дауна. Да, воспитателем. Воспитатель-мужчина — это не воспитательница. Тут другие методы работы. Он выводил детей из зоны комфорта. Воспитывал. По-мужски. И дети были ему благодарны. Алексей был им отцом и другом. И, надо же, всё равно чего-то ему не хватало. Наверное, потому, что у него очень большое сердце, в котором много любви...

Однажды после дежурства Алексей подарил мне букет ромашек и сказал, что моя душа чиста, как эти белые беззащитные цветы. Как он это понял? Мне всегда думалось, что если жизнь моя серая, как мутная вода в луже, то и душа должна быть такой же. Но ему показалось иначе... Мы тогда долго гуляли по набережной. Потом часто дежурили вместе, а после опять долго гуляли по набережной.

А однажды мы решили, что если встретились два человека там, где другие люди находят последний жизненный приют и откуда уже не возвращаются домой, то, видимо, для нас двоих это особый знак. Знак того, что мы призваны беречь жизни друг друга. И когда мы это осознали, то решили не расставаться. Никогда.

□

Ирина Николаевна ГОНЧАРОВА

окончила филологический факультет

Смоленского государственного университета.

Педагог. Пишет прозу.

Публиковалась в журналах и альманахах «Ковчег»,

«Север», «Православная радуга», «Божий мир» и др.,

а также в сборниках «Бочонок мёда для души» («АСТ», 2018),

«Уроки памяти» («Дрофа», 2018).

Победитель VIII Международного литературного конкурса,

посвящённого памяти писателя К. Симонова (2018);

финалист конкурсов «До первой звезды» (2018)

и «Герои Великой Победы» (2017).

Живёт в Москве.

